

Урина Зыдникова

В плену
ЕЕ ГРЕЗ

"ПРИНЦЕССА ДЛЯ ВОЖДА"

Ирина Злыдникова
В плену ее грез.
Принцесса для вождя
Серия «Магия любви», книга 3

<https://litres.ru/73419693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, северные воины не умеют любить. Они ошибались.

Торан двадцать два года живет в темноте. Сквозь магический сон он слышит только одно — голос девочки, которая превратилась в женщину, не переставая шептать его имя. Она стала его светом. Его наваждением. Его единственной нитью с жизнью.

Принцесса Нирея умеет читать чужие мысли, но собственному сердцу приказать не может. Ради него она готова нарушить запрет отца, бросить дворец и титул, чтобы сбежать в ледяные горы, где её ждёт не просто любимый, но и борьба.

На Севере его племя угасает под гнётом предательницы, что правит ядом и страхом. Здесь древние духи требуют крови, а традиции не прощают слабости.

Торан вернулся. И он идет за своим. А рядом с ним — та, кто шестнадцать лет ждала его во сне, чтобы проснуться в его объятиях.

Она променяла дворец на горы. Он променял тьму на её любовь и свет. Теперь им предстоит растопить вековые льды, чтобы согреть друг друга.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Бремя крови	10
Глава 2. Сквозь тьму и бремя истины	22
Глава 3. Связующая нить	33
Глава 4. Шестнадцать лет любви	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

В плену ее грез. Принцесса для вождя

Пролог

Империя Антария. 16 лет назад. Северное крыло Императорского дворца.

Тишина в коридорах лечебницы была звенящей, почти невыносимой. Воздух пропитан запахом трав и застывшей боли. Здесь, за дверями из чёрного дуба, спали те, кого магия не смогла разбудить, — живые тени, заточённые в капсулах стазиса после атаки тёмного мага и его адептов.

Маленькая принцесса обошла стражу. Её сандалии не производили ни звука на холодном каменном полу. Девочке было семь лет, и её дар — бремя, о котором знал лишь избранный круг, — уже требовал выхода. Её разум, острый и любопытный, искал жизни в этом царстве мёртвой тишины. Но везде — лишь пустота. Даже у матери-императрицы. Спящие, не спящие — просто оболочки.

До тех пор, пока она не коснулась лба одного из них.

Юноши с волосами цвета горного снега.

Внутри не взорвался свет. Ворвался вихрь. Обрывки чувств: холод стали, запах крови, рык барса, беззвучный

крик, падение в бесконечную колодезную тьму... А затем — метание. Безумное, отчаянное биение о невидимые стены, словно пойманная птица в крошечной темноте.

Девочка ахнула и отшатнулась, прижав ладони к вискам. Это не был сон. Это была тюрьма.

Секунда, другая — и она снова протянула руку. Не из страха. Из того самого неукротимого любопытства, что заставляет разбирать сложные механизмы и задавать неудобные вопросы.

«Кто ты?»

Мысль, осторожная, как первый луч солнца после бури, проскользнула в хаос.

Метание прекратилось. Воцарилась настороженная, измученная тишина. Затем — отклик. Слабый, будто доносящийся из-за толстой стеклянной стены.

«Тот, кого нет. Призрак. Оставь меня».

«Ты не призрак. Ты... в ловушке. Я это чувствую».

«Чувствуешь?» — в том «голосе» прозвучала горькая усмешка. «Никто не должен этого чувствовать. Уходи».

Но она не ушла. Она возвращалась. Каждый день. Сначала — просто слушая его тихий ужас. Потом — задавая вопросы. Он не отвечал. Но его молчание было красноречивее слов — оно было наполнено болью, яростью и потерей.

А потом он сам задал вопрос:

«Почему ты приходишь?»

«Мне скучно, — мысленно пожала она плечами. — А у

тебя... интересные кошмары. Не как у других. У других — пустота. А у тебя — горы. И звери. И война».

Так начался их странный диалог. Между принцессой, запертой в золотой клетке этикета, и молодым воином, запертым в темнице собственного тела. Она рассказывала ему о дворцовых интригах, об уроках, о звёздах за окном. Он, сжав зубы от бессилия, делился обрывками видений — то глазами барса, то сквозь пелену кристалла: как гибнет его семья, племя, как предадут сородичи.

Она ещё не знала, что те видения — не просто кошмары. Что он действительно видел это глазами своего барса Ахилла, в которого успел переместить часть разума в момент удара мага.

Однажды он «сказал»:

«Ты ребёнок. Ты не можешь ничего изменить».

«Я — принцесса, — парировала она с надменностью, данной от рождения. — А ты — будущий вождь. Когда-нибудь мы оба станем сильными. И тогда ты вернёшься и всех победишь. А я... я тебе помогу. Так положено. Союз Империи и Севера».

В его измученном сознании впервые за долгие годы дрогнуло что-то, кроме отчаяния. Что-то похожее на хрупкую, невероятную надежду.

«Ты веришь в сказки, девочка».

«Нет, — её мысленный голос прозвучал твёрже стали. — Я верю в расчёт. И в силу. Нашу силу. Я научусь всему, что

нужно, чтобы её получить. А ты... ты будешь ждать. И слушать. И учиться вместе со мной. Потому что однажды тебе это понадобится. Договорились?»

В тот вечер, когда девочка ушла, в крошечной тьме его заточения впервые за шесть лет не было метания. Была тишина. Тишина ученика, принявшего задание Учителя. Война, нашедшего точку опоры.

А в доме верховной жрицы великого северного племени, за многие мили отсюда, старая Вильма вдруг вздрогнула.

Пламя в очаге вспыхнуло ярче, осветив её морщинистое, тронутое скорбью лицо. Она не видела картины ясно, но чувствовала нить — тонкую, серебристую, невероятно прочную. Она была протянута через пространство и время, связывая разум принцессы с душой её внука.

«Началось, — прошептала она в тишину, полную голосов духов. — Не просто связь. Возвращение. Путь домой для него... и путь к власти для неё. Духи, храните их. Их союз перевернёт всё».

Она знала: это была не дружба. Это был заговор. Тихий, детский, невероятный заговор против самой судьбы. И его первым пунктом было одно-единственное слово, которое Нирея мысленно вложила в сознание Торана, прежде чем покинуть лечебницу:

«Жди».

И он стал ждать. Не просто выживать. А готовиться. К

возвращению. К битве. К ней.

А этажом выше, в лечебнице северного крыла, в самой охраняемой палате...

Антуан Тариана сидел у капсулы жены и смотрел на спящую Софию. Он не знал, что в этот самый момент его маленькая дочь только что изменила судьбу. Он чувствовал только привычную боль потери и надежду, которая не умирала в нём все эти годы.

— Когда-нибудь ты проснёшься, — прошептал он, касаясь стекла. — Я верю.

История начиналась.

Глава 1. Бремя крови

Настоящее время. Императорский дворец. Кабинет императора.

Тишина в кабинете отца всегда была особенной. Не той мирной тишиной, что опускается на спальню перед сном, и не той торжественной, что застывает в тронном зале перед выходом императора. Эта тишина была тяжёлой, давящей, наполненной недосказанностью и болью, которую стены копили долгие годы.

Принцесса Нирея Тариана стояла у массивного дубового стола, вытянувшись по стойке «смирно», как учили с детства. Форма лейтенанта тайного ведомства А-1 сидела на ней идеально — чёрный мундир, серебряные пуговицы, аккуратно убранные коричневые волосы. Только глаза выдавали напряжение — в их глубине плескалась буря, которую она тщательно скрывала за маской спокойствия. Ореховые глаза, такие же, как у старшего брата Теодора, сейчас казались почти чёрными от переполнявших её чувств.

Император Антуан Тариана сидел в кресле, глядя на дочь. Он был всё ещё красив той суровой мужской красотой, что держится годами: высокий, широкоплечий, с тёмными, тронутыми сединой волосами и внимательным взглядом, в котором вместо молодого огня плескалась усталость правителя, несущего бремя империи. Перед ним на столе лежал тол-

стый доклад — отчёты стражников северного крыла, заметки наблюдателей, заключения магов-лекарей. Он изучил его от корки до корки, прежде чем вызвать Нирею.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал, лейтенант? — Голос отца звучал ровно, но в этом спокойствии чувствовалась сталь.

— Предполагаю, ваше величество. — Нирея смотрела прямо перед собой. — Но позвольте уточнить: это разговор императора с подчинённой или отца с дочерью?

Антуан усмехнулся уголком губ. Упрямство — это у неё от матери.

— Давай начнём как император с подчинённой. Докладывай, лейтенант. Как часто ты посещаешь северное крыло?

— Согласно регламенту ведомства, я имею право... — начала Нирея.

— Не надо мне цитировать регламент, — перебил император, и в его голосе впервые проскользнуло раздражение. — Я спрашиваю не как глава ведомства. Я спрашиваю, как твой отец, который видит, что его дочь уже полгода ведёт себя странно. Ты пропадаешь в крыле, где нет ничего, кроме магов в стазисе и... — он сделал паузу, — одного безнадёжного пациента.

Нирея вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Слишком поздно. Отец заметил.

— Это моя работа, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я изучаю их состояние. Ментальная диа-

гностика — важная часть...

— Хватит! — Император резко поднялся, опираясь руками о стол. — Ты думаешь, я слеп? Думаешь, не вижу, как ты смотришь на этого мужчину? Как замираешь у его капсулы? Как проводишь там часы, забыв о времени?

Нирея молчала. Возражать было бессмысленно — отец слишком хороший правитель и слишком внимательный отец, чтобы не заметить очевидного.

— Я запрещаю тебе посещать северное крыло, — отчеканил Антуан. — Это не просьба, Нирея. Это приказ императора.

— Но почему? — вырвалось у неё против воли. — Он никому не мешает! Он просто лежит там, и я...

— И ты влюблена в него, — закончил император, и его голос дрогнул. — Я вижу это. Вижу каждый раз, когда ты возвращаешься оттуда с этим... светом в глазах. И я не допущу этого.

Нирея подняла голову, впервые за весь разговор встретившись с отцом взглядом.

— Почему? Потому что он из племени? Потому что у него нет титула? Или потому, что он... обречён?

— Потому что я знаю, что такое терять любимого человека! — выкрикнул император, и его голос эхом разнёсся по кабинету. — Потому что я двадцать три года смотрю, как твоя мать лежит в стазисе, и ничего не могу изменить! Двадцать три года, Нирея! Ты хочешь такой же судьбы?

Воздух в кабинете словно сгустился. Нирея смотрела на отца и видела то, что обычно скрывалось за маской власти и спокойствия, — глубокую, незаживающую рану.

— Я знаю эту историю, отец, — тихо сказала она. — Мама была счастлива с тобой до того, как... это случилось.

— И это «до того» длилось слишком мало! — Антуан отвернулся к окну, пряча лицо. — Ты даже не представляешь, каково это — любить женщину, зная, что она твоя пара, и не иметь возможности даже коснуться её. Слышать, как магия внутри тебя разрывается от тоски, и ничего не делать, потому что надо править, надо держать удар, надо...

Он замолчал, тяжело дыша.

Нирея смотрела на его широкую спину, на напряжённые плечи, и впервые за много лет поняла, насколько же он одинок. Её великий, сильный, непоколебимый отец — просто мужчина, потерявший любимую.

— Отец... — Она шагнула к нему, но он резко обернулся.

— Ты хочешь знать, почему я запрещаю? — Голос императора стал тише, но от этого не менее пронзительным. — Тогда слушай. Тёмный маг, который иссушил твою мать, — Адриан Тариана. Родной брат-близнец моего деда. Он носит нашу кровь, нашу фамилию, наше проклятие уже больше ста лет.

Нирея замерла. Она знала эту историю лишь отрывочно, из дворцовых сплетен и обрывков разговоров.

— Мой дед, Алеан Тариана, был сильнейшим магом, —

продолжил император. — С рождения ему был дарован двойной дар: тёмный боевой и светлый дар целителя. А его брат-близнец, Адриан... он родился обычным человеком. Ни капли магии. Тихий, скромный юноша, увлечённый наукой. Он создал порталные пластины, которые мы используем до сих пор. Гениальный учёный.

Антуан помолчал, собираясь с мыслями.

— Но была ещё одна женщина. Сария Варуа. Тёмная целительница, сильнейший менталист своего времени. Её выдали за Адриана по расчёту, но она... она безумно полюбила его. А он, поглощённый наукой, почти не замечал её. И тогда она совершила роковую ошибку.

Нирея слушала, затаив дыхание.

— Чтобы вызвать ревность Адриана, она вступила в связь с моим дедом, императором Алеаном. Но мой дед имел... особые предпочтения. Сария не была к ним готова. Она пришла к мужу за защитой, а он ответил, что ему всё равно, что с ней делает его брат: он слабый человек, и нечем ему противостоять.

Император сжал кулаки.

— Тогда Сария, уверовав, что, будь у Адриана магия, он смог бы её защитить, начала ментально влиять на его разум. Внушать ему, что он должен обладать магией. Она не понимала, что делает. Она просто хотела, чтобы он заметил её. Чтобы полюбил. А в итоге... свела его с ума.

— Она... свела его с ума? — переспросила Нирея потря-

сённо.

— Да. Адриан, тихий учёный, помешался на идее получить магию. Начал ставить опыты на людях. Научился забирать магию силой. А Сария... она пошла ещё дальше. Она создала кристалл, способный удерживать чужую магию. И когда поняла, что кристалл слушается только её, приняла страшное решение.

Антуан посмотрел дочери прямо в глаза.

— Она добровольно заключила свой разум и свою силу в этот кристалл. Отдала себя всю, без остатка, чтобы Адриан мог пользоваться её даром. Чтобы он мог забирать силу других магов и передавать её через себя. Чтобы стал бессмертным. И всё это — ради любви. Ради того, чтобы он снова назвал её своим сокровищем.

Нирея побледнела.

— Она... сама себя заточила? Добровольно?

— Да. И теперь этот кристалл он носит на груди. Называет «сокровищем». И пока кристалл цел — он жив. Сколько бы смертельных ран мы ему ни нанесли, он выживает. Потому что Сария забирает удар на себя. Она хранит его жизнь ценой своей свободы. Уже больше ста лет.

— Боги... — прошептала Нирея.

— Поэтому я и запрещаю тебе, — голос императора дрогнул. — Не потому, что он из племени. Не потому, что у него нет титула. А потому что я знаю, каково это — любить того, кого можешь потерять в любой момент. И я знаю, на что спо-

собны женщины нашего рода, когда любят. Сария уничтожила себя, своего мужа и сотни других магов — ради любви. Твоя мать пошла на смерть, рожая тебя, — ради любви. А ты... ты готова пойти на всё ради того, кто лежит в стазисе и, возможно, никогда не очнётся.

Он подошёл к дочери, медленно, словно боясь спугнуть, и взял её за плечи.

— Я двадцать три года смотрю, как твоя мать лежит в стазисе, и ничего не могу изменить. Двадцать три года, Нирея! Ты хочешь себе такой же судьбы? Хочешь всю жизнь ждать того, кто, может быть, никогда не проснётся?

Нирея смотрела на отца, и в её глазах стояли слёзы.

— Я не знаю, отец. Я только знаю, что не могу без него. Когда я рядом с ним, когда касаюсь его разума... я чувствую себя живой. По-настоящему. Впервые в жизни.

Антуан закрыл глаза, и по его щеке скатилась слеза.

— Я запрещаю тебе, — прошептал он. — Это приказ императора. Ты поняла, лейтенант?

Нирея вытянулась по стойке смирно, пряча слёзы.

— Так точно, ваше величество.

— Свободна.

Она вышла, чеканя шаг, и только за дверью позволила себе выдохнуть. Прислонилась спиной к холодной стене, закрыла глаза.

«Торан...»

Ответа не было. Он никогда не отвечал, когда она звала

его наяву. Только в те редкие минуты, когда она погружалась в транс у его капсулы, когда их разумы соприкасались, он становился реальным. Живым. Её.

«Я вернусь. Я обещаю. Что бы ни случилось».

Антуан Тариана не сдвинулся с места, даже когда дверь за дочерью закрылась. Он стоял у окна, глядя на старый парк, но ничего не видел — перед глазами стояли совсем другие картины. Другие лица. Другое время.

Большие тридцати лет назад. Академия Тэйрон.

Четверо — Антуан, Ричард де Лакруа, Говард Олслан и Элина Айри — стали неразлучны с первой же встречи. Вместе учились, вместе тренировались, вместе влипали в неприятности и вместе из них выпутывались. Боевая четвёрка, как их называли.

Говард, сын верховной жрицы северного племени погонщиков Вильмы, выросший без отца, но впитавший с молоком матери любовь к горам и свободе. Он был могучим воином с белыми как снег волосами. Элина Айри, дочь вельможи из древнего рода, смотрела на него так, что сразу было ясно: это не просто увлечение. Ричард, герцог де Лакруа, верный друг, готовый прикрыть спину в любой схватке.

Антуан любил их. Всех троих. Как братьев и сестру, которых у него не было.

Годы учёбы пролетели быстро. Говард и Элина поженились, уехали на север. Ричард женился на Аривии, телохранительнице и подруге Софии. А Антуан... Антуан нашёл

свою любовь — Софию, свою магическую пару. Они мечтали о детях, о будущем, о том, как их семьи будут дружить.

Но судьба распорядилась иначе.

Север империи Антарии. Ярмарка в Торге. Двадцать два года назад.

Антуан помнил тот день до мельчайших деталей. Он приехал инкогнито, под именем дядюшки Харда, чтобы предупредить друзей об опасности. Тот самый тёмный маг объявился в горах, и нужно было быть начеку.

Они встретились в скромном шатре на окраине ярмарки. Говард вошёл первым, широко улыбаясь, и они обнялись, как братья.

— Рад вас видеть, друзья, — сказал Антуан, отпуская Говарда и приветствуя Элину.

— И я, Антуан, — ответила Элина, приседая в реверансе. Он остановил её жестом — без церемоний, здесь они были просто друзьями.

В шатёр друзья вошли с детьми. Говард снял с плеч маленькую девочку с белыми волосами и озорными голубыми глазами.

— Вы не одни. Познакомьте меня, — попросил Антуан.

— Это дети, — начал Говард, но Антуан перебил, подмигнув малышке:

— Я ваш дядюшка Хард.

— Мой сын Торан и дочь Талиана, — представил Говард, опуская девочку на землю. Та сделала смешной, но стара-

тельный реверанс.

Антуан улыбнулся, глядя на них. Торану тогда было двенадцать — высокий для своего возраста, с отцовской статью и материнскими мягкими чертами лица. Он держался с достоинством, но в глазах горел мальчишеский задор. Талиана, семилетняя егоза.

— Замечательные дети, — сказал Антуан. — Берегите их. Особенно сына.

Он перевёл взгляд на Говарда, и улыбка исчезла с его лица.

— Говард, маг рядом. Он прячется в горах.

— Ты поэтому пришёл? — Говард сразу стал серьёзным.

— Да. Нужно быть осторожными.

— В Торге безопасно? — Элина задала главный вопрос, который волновал любую мать.

— Пока да, — ответил Антуан. — Но будьте осторожны. Он чует тёмных магов. Элина, дар твоего сына... ты должна быть особенно внимательна.

— Я знаю, — тихо ответила она, прижимая к себе Талиану.

Антуан посмотрел на Торана, который стоял чуть поодаль, делая вид, что не слушает взрослые разговоры. Мальчик был умён — это чувствовалось.

— Торан, — позвал Антуан. — Ты уже охотишься?

— Да, дядюшка Хард, — ответил тот с достоинством. — У меня хорошая пушнина в этом году. Обещал сестре браслет

купить.

— Молодец. Помогай отцу. И береги сестру.

— Обязательно, — твёрдо сказал Торан.

Они попрощались. Антуан ушёл, унося с собой тепло этой встречи и тревогу за друзей.

Больше он их не видел живыми.

Антуан сжал кулаки, отгоняя воспоминания. Прошло двадцать два года. У него самого уже взрослые дети. Теодор, старший, — ему за тридцать, он уже наследник, его пара Лаура — дочь Ричарда и Аривии. Тайгер, второй сын, — ему двадцать семь, глава безопасности. Дэмион, третий, — ему двадцать пять, ректор академии.

И Нирея. Его младшая, долгожданная дочь. Та, из-за которой София отдала жизнь. Ей двадцать три. И она смотрит на сына его погибших друзей так, как когда-то Элина смотрела на Говарда.

Торану сейчас тридцать четыре. Двенадцатилетний мальчик, которого Антуан видел на той ярмарке, превратился уже в зрелого мужчину. Если бы не стазис, если бы не магия, забравшая его жизненную силу...

Но разум... разум, как оказалось, жил всё это время. Благодаря Нирее и его барсу Ахиллу, в которого он успел переместить часть себя.

— Ты похож на отца, — прошептал Антуан. — Такой же сильный. Такой же упрямый. И она... она похожа на мать. Такая же готовая на всё ради любви.

Он закрыл глаза, и перед ним снова встала картина — маленькая Талиана, делающая реверанс, и двенадцатилетний Торан, обещающий беречь сестру.

«Берегите их. Особенно сына».

Он сам не уберёг. Не смог.

— Прости меня, Говард, — прошептал Антуан. — Прости, что не уберёг твою семью. Прости, что твой сын столько лет пролежал в этой капсуле. Прости за Талиану.

Он посмотрел на портрет жены, стоящий на столе.

— И прости меня, Софи. Прости, что сейчас я вынужден причинять боль нашей дочери. Я просто не хочу, чтобы она повторила нашу судьбу.

Портрет молчал. Как молчал все эти двадцать три года.

Глава 2. Сквозь тьму и бремя истины

Дворец. Северное крыло. Лечебница для магов в стазисе.

Тьма.

Она была везде — вокруг, внутри, в каждой клетке тела, которое не слушалось. Торан Олслан давно сбился со счёта, сколько лет провёл в этом аду. Двадцать два года. Целая жизнь, которую у него украли.

Но была одна ниточка. Тонкая, серебристая, невероятно прочная. Она тянулась откуда-то извне, пробивая тьму, даря тепло, надежду, жизнь.

Она.

Нирея.

Он помнил тот день, когда впервые услышал её. Маленькая девочка, коснувшаяся его лба тонкими пальцами. Её испуг, когда она наткнулась на его метания. А потом — удивление. Любопытство. И этот голос, робкий, но настойчивый:

«Кто ты?»

Он не хотел отвечать. Хотел, чтобы она ушла, оставила его в покое, дала утонуть в этой чёрной пустоте. Но она возвращалась. Снова и снова.

«Мне скучно, — говорила она. — Со мной никто не игра-

ет. Бояться. А ты не боишься. И у тебя интересные кошмары. Не как у других. У других — пустота. А у тебя — горы. И звери. И война».

Горы. Она хотела знать о горах. И он рассказывал — сначала обрывками, нехотя, а потом всё больше, всё охотнее. Она слушала. Запоминала. Задавала вопросы.

Она росла, и её голос менялся. Из детского лепета превращался в нежный, тёплый, родной голос женщины. Она рассказывала ему о дворце, о семье, о своих братьях. О том, как тяжело быть единственной дочерью императора. О том, что её тёмный дар запечатали в младенчестве, боясь, что она повторит судьбу матери. О том, что она чувствует эту тьму внутри, спящую, но живую.

Рассказывала о своей учёбе в академии Тэйрон, о том, как братья помогали ей, как преподаватели хвалили её аналитический ум. О том, что её дар менталиста позволяет ей видеть ложь там, где другие видят лишь улыбки.

А он рассказывал ей о том, что видел глазами Ахилла. О предательстве Ядвиги, о том, как племя угасает под властью узурпатора и ядов, о гибели достойных воинов, которые пытались бросить вызов.

Он рассказывал, как маг выпил его силу. Как последней мыслью успел толкнуть часть себя в Ахилла — и провалился в бездну. Как потом, через глаза барса, смотрел на пепелище, где ещё недавно был его дом. Как видел гибель отца и матери, не имея возможности даже крикнуть.

Обо всём рассказывал. Кроме одного — о судьбе своей сестры Талианы. Её он не видел. И думал, что она погибла вместе с родителями.

«А ты не боишься», — сказал он однажды.

«А ты не страшный», — ответила она. — Ты просто очень одинокий. Как я».

С тех пор он ждал. Ждал каждого её прихода, каждого касания, каждого слова. Она стала его воздухом, его светом, его причиной не сдаваться.

Но последние дни... последние дни тишина стала невыносимой.

«Где ты?» — мысль билась о невидимые стены. «Что случилось? Почему ты не приходишь?»

Он искал её в темноте, тянулся изо всех сил, но сейчас не чувствовал ничего. Только холод. Только пустоту.

«Разлюбила? Забыла? Нашла другого?»

Боль от этих мыслей была сильнее любой физической. Он метался в своей темнице, пытаясь прорваться сквозь барьеры, но они держали крепко.

«Или с ней случилось что-то?»

Эта мысль была ещё страшнее. Он предпочёл бы, чтобы она разлюбила, лишь бы с ней всё было хорошо. Лишь бы она жила. Дышала. Смеялась там, наверху.

«Нирея...»

Он позвал её, вкладывая в этот зов всю свою боль, всю тоску, всю отчаянную любовь.

Тишина.

Новость обрушилась на Нирею внезапно, когда она возвращалась из академии с очередного сеанса с Лаурой. В коридоре перешёптывались стражники — те, что несли службу в северном крыле и имели доступ к информации ведомства.

— Слышал? Наследник тяжело ранен.

— Говорят, еле живого из портала вытащили.

— Тсс... Никому ни слова, приказ императора.

Нирея замерла, впитывая каждое слово. Сердце пропустило удар. Тео? Её старший брат, сильнейший маг, каратель — и ранен? Настолько серьёзно, что об этом шепчутся даже стражники?

Она хотела подойти, расспросить, но те уже скрылись за поворотом. Оставалось одно — идти к отцу. Только он скажет правду.

Она почти дошла до кабинета, когда дверь резко распахнулась, и оттуда вылетел Тайгер. Тайгер был высок, широкоплеч, с тёмными, вечно растрёпанными волосами и холодными серыми глазами, в которых обычно играла насмешливая искра. Сейчас эти глаза метали молнии. Его поведение выдавало кипящую внутри злость. Тайгер всегда был вспыльчивым и циничным, на его лице часто играла насмешливая улыбка. Но сейчас он был в ярости. Очевидно, получил выволочку от отца. Тайгер — глава безопасности император-

ского рода, и сохранение жизни наследника для него — задача первостепенная. Значит, слухи не врани: Тео действительно пострадал серьёзно.

— Тай, это правда? — окликнула она брата.

— Нирея, не сейчас, — бросил он и быстро зашагал по коридору.

Она знала: сейчас его лучше не трогать. Когда выпустит пар, тогда и можно будет поговорить. Она проводила брата взглядом, глубоко вздохнула и толкнула дверь кабинета.

В кабинете, помимо императора, находился Дэмион — ещё один её брат и заместитель отца в ведомстве А-1. Дэмион, в отличие от вспыльчивого Тайгера, был сдержан и холоден. Тёмные волосы аккуратно зачёсаны назад, на лице — маска невозмутимости, и только в глубоких серых глазах иногда мелькало что-то, напоминающее о том, что под этой маской скрывается не только учёный, но и воин. Он молча указал ей на стул перед столом, а сам застыл у окна в угрюмом молчании.

— Нирея, заходи, не стой у двери, — раздался строгий голос отца. — Я и сам хотел тебя вызвать.

Обращение по имени означало, что разговор пойдёт как между отцом и дочерью, а не старшим по званию и подчинённой.

— Отец, это правда? Тео серьёзно пострадал?

— Да, и за недосмотр Тайгер уже понёс наказание. Его спас мой агент, моя личная воспитанница. Если бы не она,

у Тео не было бы шанса. Сейчас он ранен, но жизни уже ничего не угрожает. Его будет лечить очень талантливая целительница. Скоро поправится.

Нирея хотела спросить о его невесте Лауре, но отец опередил её:

— С Лаурой всё в порядке. Ты избавила её от негатива, связанного с первой ночью с Теодором. Теперь ты будешь заниматься с ней не как гражданское лицо, не как менталист или психотерапевт, а как лейтенант ведомства А-1.

Он помолчал, и Нирея почувствовала — сейчас последует что-то важное.

— Дочь, то, что я скажу, может тебя шокировать и разочаровать во мне как в отце. Но я действовал как правитель империи. Позволь, я начну с самого начала.

Он говорил долго. О борьбе рода с магом, длящейся более ста лет. О временах правления её деда, когда Адриан был почти неуязвим, беспрепятственно выпивая тёмных магов и оставляя после себя лишь выжженную землю да пустые оболочки.

О том, как её дед, отчаявшись, отправился в восточные земли империи, в монастыри аракулов — служителей богов. И те дали ему совет, как победить зло, но за это отпрыску рода придётся заплатить высокую цену.

— Тёмных нужно запечатать, — голос отца звучал глухо. — И когда маг ослабнет от потери тёмной силы, в мир придут три девы с уникальным даром света и тьмы. Их нужно

взрастить огнѐм — и тогда они уничтожат мага.

Нирея слушала, затаив дыхание.

— Император и советники приняли закон о запечатывании тѐмного дара. Многие были недовольны, но разрушения оказались катастрофичны. Люди стали бояться магов с тѐмным даром, считая, что те навлекут беду. Так они стали изгоями.

— Сейчас маг очень слаб. — Отец пристально посмотрел на неё. — Я нашѐл тех трѐх дев. Тайно взрастил их. И они почти готовы к битве.

Он сделал паузу, давая ей время осмыслить услышанное.

— Ты знаешь, что северное крыло дворца — это целая империя шпионов, магов, артефакторов, военных стратегов и учёных, которые ведут борьбу. Никто из приближѐнных не догадывается об этой организации. Здесь, во дворце, проходят приѐмы, балы — и одновременно ведѐтся автономная жизнь ведомства. Мне стоило огромных усилий создать всё это.

Голос его дрогнул.

— Первая моя плата — это жизнь. Я заплатил богам жизнями своих самых верных друзей.

У неё перехватило дыхание. Друзья? Какие друзья? Она знала только, что отец всегда был одинок, но чтобы такое...

— Вторая плата — забвение. — Он не смотрел на неё, говорил в пустоту. — Я изгнал из дворца и объявил предателем своего друга детства, почти брата.

Ричард, — мелькнуло в её голове. Герцог де Лакруа. Она помнила, как в детстве он носил её на плечах. А потом его имя стало проклятием.

— А третья плата — это потеря... И это ваша мать, Нирея. Он замолчал, и в кабинете повисла тяжёлая тишина.

— И всё же боги даровали мне стойкости, — наконец продолжил император. — Час настал для последнего удара. И его нанесёт Лаура, твоя подопечная. Девушка обладает очень сильным даром защитника — и тёмным, и светлым. Ты знаешь, что за сокрытие и развитие тёмного дара — тюрьма и казнь. Так вот, боги очень хитры. Они свели твоего старшего брата и эту девушку, соединив их в магическую пару. Теперь они друг без друга не могут. Но Тео не знает о её тёмном даре. И не узнает до нужного момента.

Лаура, — мысленно повторила она. Дочь Ричарда, та самая, которую она лечила после... после той ужасной ночи с Тео. Она оказалась не просто жертвой обстоятельств. Она — оружие.

— И вот тебе приказ, лейтенант. Ты будешь тренировать разум Лауры до тех пор, пока она не научится противостоять любым ментальным атакам.

— Подожди, отец... — Нирея не могла поверить. — Ты готовишь Лауру к бою с Адрианом? Но как девятнадцатилетняя девушка может его одолеть, даже несмотря на годы тренировок? Получается, её с рождения готовили к бою? Я права?

— Вы правы, лейтенант. Готовили. Но не её одну. Сегодня прибывает мой агент. Она десять лет провела в логове мага, и не раз её донесения спасали жизни. Её нужно ментально проверить на лояльность короне.

Талия. Она слышала это имя. Легенда среди агентов. Девочка, которую нашли под телом погибшего воина, — выходит, это не просто слухи.

— И если она также верна и действовала строго по инструкциям, то её разум ты тоже будешь готовить. И ещё, Нирея... У неё особенность. Она не испытывает эмоций. Ты сама всё поймёшь, когда прочитаешь её разум.

— Вам ясна задача, лейтенант?

— Так точно, ваше величество, — ответила она, потрясённая услышанным.

Но Нирея была не только менталистом и психотерапевтом. Она была военным человеком, офицером, аналитиком. Взвесив все слова своего сюзерена и зная обстановку в стране, она поняла: перед ней не просто мудрый правитель. Перед ней — стратег. И она приняла сторону отца.

— Я очень рада, отец, — тихо произнесла она после паузы, — что из-за запечатанного дара не претендую на трон. Такая ноша не каждому по силам. Я всё понимаю и люблю тебя таким, какой ты есть на самом деле. Как отец ты лучший.

— Не подлизывайся, Нирея. Говори прямо, что хочешь.

— Я хочу, чтобы ты разрешил мне допуск к магам в ста-

зисе.

— Нирея, нет. К императрице — да. Но до того молодого мужчины даже близко не подходит.

— Идите, лейтенант. Готовьтесь. Скоро Талия прибудет. Вы свободны.

Ей ничего не оставалось, как выйти. Но прежде, чем закрыть дверь, она услышала тихий голос Дэмиона:

— Отец, ты слишком суров с ней.

Антуан тяжело вздохнул.

— Ты не понимаешь, Дэмион. Я не хочу, чтобы она повторила мою судьбу.

— А я думаю, что ты не видишь главного, — голос брата звучал спокойно, но твёрдо. — Нирея — менталист. Сильнейший в империи. Если она что-то решила, она найдёт способ. Запретами её не остановить.

— И что ты предлагаешь? Позволить ей губить себя?

— Я предлагаю подумать иначе. — Дэмион помолчал. — Торан — её магическая пара. Если он выживет и станет вождём, он будет предан нам. Племя погонщиков снова станет щитом на севере. Они всегда были надёжными союзниками, пока их не уничтожил маг. А теперь есть шанс вернуть всё.

— Ты говоришь о политике, а я — о жизни дочери.

— Я говорю о будущем, отец. И о том, что иногда страх и запреты приносят больше вреда, чем доверие. Подумай об этом.

Нирея замерла за дверью, невольно улыбнувшись. Заступ-

ничество брата было приятно и давало надежду: возможно, отец со временем снимет запрет. А пока... пока она сама найдёт лазейку.

Она медленно побрела по коридору. Мысли путались. Слишком много всего обрушилось на неё за один день. Тео ранен, но жив. Отец раскрыл ей страшные тайны. Лауру готовили к смерти. Талия десять лет провела в логове врага.

«А он всё ещё там, во тьме, ждёт меня, — подумала Нирея. — Ждёт, не зная, что происходит».

Глава 3. Связующая нить

Нирея медленно брела по знакомым коридорам северного крыла. Мысли путались, в голове всё ещё звучали слова отца: «Три девы... взрастить огнём... последний удар...»

Она сама не заметила, как ноги принесли её к лечебнице. К матери. К месту, где всегда можно было побыть одной и собраться с мыслями.

Она вошла в знакомый зал и остановилась у прозрачной стены, отделяющей её от матери. Императрица София лежала в капсуле — красивая, спокойная, словно спящая. Двадцать три года. Почти четверть века. Холодный свет магических светильников озарял её лицо, делая его ещё более безжизненным.

— Я пришла, мама, — прошептала Нирея, касаясь пальцами холодного стекла. — Прости, что давно не была. Много дел. Братья... отец... свои тайны.

Она говорила с матерью каждую неделю. Рассказывала всё — даже то, о чём не знал отец. О Торане. О своей тайной любви, длящейся уже шестнадцать лет.

— Он ждёт меня, мама. Уже столько лет. И я верю — однажды мы будем вместе. Как вы с отцом.

Тишина. Только мерное гудение артефактов, поддерживающих жизнь в тех, кто не мог проснуться.

— Сегодня отец рассказал мне то, от чего у меня до сих

пор не укладывается в голове, — продолжила она, понизив голос. — Оказывается, всё это время... Лаура, Талия, даже я... мы были частью огромного плана. Он готовил нас. Готовил их. К бою. К смерти.

Она замолчала, собираясь с мыслями.

— Лаура — она такая юная, мама. Ей всего девятнадцать. А её готовили к схватке с магом с самого рождения. Теодор даже не знает, что его пара — тёмная. Отец сказал, что так надо. Что боги так велели.

Она провела пальцем по холодному стеклу, словно пытаясь дотянуться до матери.

— А Талия... она десять лет провела в логове врага. Десять лет притворялась, выживала, спасала жизни ценой невероятного риска. А теперь я должна проверить, не сломалась ли она. Не предала ли.

Нирея горько усмехнулась.

— И я, мама. Я думала, что просто лечу людей. А оказывается, всё это время я тоже была частью игры. Отец не просто так велел мне заниматься с Лаурой. Он готовил нас всех.

Она замолчала, глядя на спокойное лицо матери.

— Знаешь, что самое страшное? Я не злюсь на него. Я военный, я аналитик, я понимаю — по-другому нельзя. Но внутри... внутри так больно, мама.

По щеке Ниреи скатилась слеза.

— Если бы ты была рядом, ты бы знала, что сказать. Ты бы обняла меня и сказала, что всё будет хорошо. А я стою

здесь, говорю с тобой, а ты молчишь. Ты всегда молчишь.

Она уткнулась лбом в холодное стекло и замерла, позволяя себе эту минуту слабости. Никто не видел. Никто не знал. Только мама.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — И я сделаю всё, чтобы ты проснулась. Обещаю.

Тишина. Только гул артефактов.

Нирея выпрямилась, вытерла слёзы и уже собралась уходить, когда услышала какой-то звук. Тихий, едва уловимый. Она обернулась.

У соседней капсулы стояла девушка. Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, зелёные глаза, худая фигура в простой одежде целителя, сосредоточенное выражение лица. Она не видела Нирею — всё её внимание было поглощено работой.

Руки девушки светились мягким, тёплым светом. Этот свет струился в капсулу, окутывая неподвижное тело мага, и...

Нирея затаила дыхание.

Показатели на артефактах, которые годами не менялись, дрогнули. Слабо, едва заметно, но они изменились. Маг, чьё состояние считалось безнадёжным, вдруг стал... чуть ближе к жизни.

— Невозможно, — прошептала Нирея.

Девушка вздрогнула и обернулась. В её глазах мелькнул испуг, но она быстро взяла себя в руки.

— Ваше высочество, — она поклонилась, но в этом поклоне не было подобострастия. Только уважение. — Простите, я не знала, что здесь кто-то есть.

— Кто ты? — спросила Нирея, не сводя с неё глаз.

— Ксандра Гросси, ваше высочество. Целительница из академии Тэйрон. Мне разрешили... работать здесь. Изучать магов в стазисе.

— Разрешили? Кто?

— Император и ректор Дэмион Тариана, — Ксандра опустила глаза, но Нирея заметила, как дрогнули её ресницы при упоминании брата.

— Дэмион, значит, — Нирея усмехнулась. — Мой брат редко кого-то хвалит. А уж тем более — даёт доступ в северное крыло. Ты, видимо, действительно талантлива.

— Я просто делаю свою работу, — тихо ответила Ксандра.

Нирея подошла ближе и посмотрела на артефакты. Показатели всё ещё были слабыми, но... живыми.

— Ты помогла ему, — сказала она. — Я вижу. Его состояние улучшилось.

— Немного, — Ксандра пожала плечами. — Я не могу вернуть их. Но я верю, что однажды... если мы найдём способ уничтожить мага... они смогут проснуться. И я хочу, чтобы их тела были готовы к этому.

Нирея смотрела на неё и чувствовала, как внутри растёт что-то тёплое. Эта девушка — не просто целительница. Она — надежда.

— Пойдём, — сказала Нирея. — Я покажу тебе ещё одну капсулу.

Она повела Ксандру вглубь зала, туда, где в отдельной капсуле лежала императрица.

— Это моя мать, — тихо сказала Нирея. — София Таригана. Она здесь уже двадцать три года. С тех пор, как родила меня.

Ксандра замерла, вглядываясь в прекрасное, застывшее лицо.

— Я попробую помочь ей, ваше высочество, — тихо сказала она. — Не обещаю чуда, но... я попробую.

— Спасибо, — Нирея сжала её руку. — А теперь иди. У тебя много работы.

Ксандра ушла, и Нирея снова осталась одна. Она проводила её взглядом, а потом медленно побрела по коридору. Мысли снова вернулись к разговору с отцом. *«Сегодня прибывает мой агент, — вспомнила она его слова. — Её нужно проверить»*. Значит, Талия уже на подходе. И ждать нельзя.

Она глубоко вздохнула и направилась в подземелье, туда, где размещались казармы агентов.

Она ждала в коридоре, среди стражников, чью внешность скрывал артефакт. Стоило Талии появиться из портала, как Нирея сразу её узнала — белые волосы, идеальная выправка, настороженный взгляд. Дэмион встретил её, а Нирея тем временем осторожно коснулась её разума.

И провалилась в пустоту.

Это было похоже на бескрайнее ледяное озеро в безветренный день — ни ряби, ни движения, ни единой эмоции. Нирея искала страх, тревогу, надежду, вину — хоть что-то живое. Но находила только холод и тишину. Разум Талии был идеально вычищен, словно кто-то прошёлся по нему жёсткой щёткой и стёр всё лишнее.

Нирея углубилась дальше, туда, где обычно прячутся самые тёмные углы, — и вдруг наткнулась на барьер. Плотный, тугой, словно стена из закалённого стекла. За ним что-то было — она чувствовала тепло, смутное, едва уловимое, но пробиться сквозь преграду не могла.

«Кто поставил этот блок?» — подумала Нирея, пытаюсь найти следы ментального воздействия. Но вокруг была лишь та же пустота. Никаких отпечатков чужой воли, никаких шрамов. Словно она сделала это сама.

Она вынырнула из её разума так же незаметно, как вошла. Талия даже не вздрогнула — продолжала идти за Дэмионом, не подозревая, что её только что прочли до самого дна.

Нирея перевела дух и бесшумно покинула коридор. Мысли снова вернулись к Торану. Надо будет как-то пробраться к нему ночью... Она задумалась и не сразу заметила движение впереди.

Нирея снова шла в северное крыло. После разговора с отцом охрану усилили вдвое. Теперь у входа в лечебницу по-

стоянно дежурили четверо стражников, а по коридорам патрулировали маги-наблюдатели. Император был непреклонен: никаких посещений.

Но Нирея знала эту часть дворца лучше, чем кто-либо.

Она остановилась у неприметной двери в конце служебного коридора. Потайной ход — один из многих, что хранил дворец. О них не знал даже отец. Но знать о них и пройти незамеченной мимо магов-наблюдателей — разные вещи.

Нирея положила ладонь на холодный камень и мысленно позвала:

«Стефан... Я знаю, что ты слышишь меня. Помоги».

Тишина. А потом — лёгкое дуновение, будто кто-то прошёл сквозь стену. Голос в её голове — низкий, древний, чуть насмешливый:

«Маленькая принцесса... Твой отец будет в ярости, если узнает».

«Отец не узнает. Если ты поможешь».

«А что я получу взамен?»

«Мою благодарность. И, возможно, интересный спектакль. Ты же любишь наблюдать за нами, смертными».

Стефан усмехнулся. Буквально — Нирея услышала этот смех всем своим существом.

«Умная, как все Тариана. Хорошо. Иди. Я займусь магами-наблюдателями. У них будет... скажем так, внезапное желание проверить дальние посты. На несколько минут».

— Спасибо, — прошептала Нирея вслух.

Она толкнула дверь и скользнула в темноту потайного хода.

Нирея вышла из-за колонны бесшумно, как тень. В лечебнице было тихо — только мерное гудение артефактов нарушало безмолвие.

Она подошла к его капсуле. Опустилась на колени. Прижалась лбом к холодному стеклу.

— Я здесь, — прошептала она. — Я всегда буду здесь.

Его мысленный отклик пришёл мгновенно — тёплый, родной, долгожданный.

«Я знал. Я ждал. Каждую секунду. Каждое мгновение».

«Прости, что так долго. Отец усилил охрану. Но я нашла способ. Стефан помогает».

«Хранитель? Он... добр к тебе».

«Он добр ко всем, кто носит кровь Тариана. Просто по-разному».

Нирея помолчала, собираясь с мыслями.

— У меня для тебя новости, любовь моя. Я нашла трёх женщин. Три судьбы, которые, кажется, связаны с нами.

Она рассказала ему о Ксандре — целительнице с тёмным даром, которая уже начала помогать магам в стазисе.

— Их состояние улучшается, Торан. Медленно, но улучшается. Если однажды маг будет уничтожен, у них появится шанс.

А потом — о Лауре.

— Она особенная. В ней спит огромная тёмная и светлая

сила. И она — пара моего брата Теодора. Представляешь? Каратель и тёмная. Сама судьба свела их.

Торан слушал. Она чувствовала это — его внимание, его тепло, его любовь.

«А третья?» — спросил он мысленно. *«Ты говорила о трёх».*

— Третью зовут Талия. Она агент императора. И у неё белые волосы.

Тишина. Такая долгая, что Нирея испугалась.

«Торан?»

«Опиши её, — его мысленный голос дрожал. — Покажи мне её подробно».

— Белые волосы, длинные, ниже плеч. Глаза голубые, как лёд. Худощавая, невысокая, но в ней чувствуется сила. И ещё... у неё почти нет эмоций. Будто их заблокировали.

«Талиана...»

— Что?

«Моя сестра, — выдохнул он. — Её зовут Талиана. Я думал, она погибла. Все эти годы... я ни разу не видел её глазами Ахилла. Ни разу! А она была здесь, рядом с тобой. И она... пустая?»

В его мысленном голосе было столько боли, что Нирея физически ощутила, как сжалось её сердце. Она вдруг отчётливо представила, каково это — двадцать два года быть запертым в темноте, видеть гибель родителей глазами барса, знать о предательстве — и не знать, что сестра жива.

— Торан, успокойся. Она жива. Это главное.

«Жива? — горько усмехнулся он. — Ты видела её? Видела, во что она превратилась? Пустая оболочка, солдат, машина. Это не жизнь, Нирея. Это существование».

— Мы вернём её, — твёрдо сказала Нирея. — Я обещаю. Когда всё закончится, когда маг будет повержен, мы вернём её. И тебя. И всё будет хорошо.

«Ты веришь в это?»

— Верю. Потому что у меня теперь есть ради чего жить. Ради кого.

Тишина. А потом — самое нежное прикосновение, какое она только могла представить. Он целовал её в мыслях. В её грёзах. В её душе.

«Спасибо, Нирея. За всё. За то, что пришла. За то, что сказала. За то, что дала надежду».

— Подожди благодарить, — улыбнулась она сквозь слёзы. — Это только начало.

За стеклом, в капсуле, воин с белыми волосами улыбнулся. Впервые за двадцать два года.

Где-то в глубине дворца.

Хранитель рода Тариана Стефан сидел в кресле, которого на самом деле не существовало, в комнате, которой не было на планах дворца. Он улыбался своей двуличной улыбкой, ибо имел две сущности — светлую и тёмную, — глядя на пляшущие тени.

— Хитрая девочка, — прошептал он. — Совсем как бабка

Торана. Из неё выйдет толк.

Он поднял глаза, словно глядя сквозь каменные своды, туда, где в лечебнице Нирея прижималась к капсуле Торана.

— Я помогу вам, дети. Потому что вы — надежда этого рода. Потому что без вас — тьма победит.

Глава 4. Шестнадцать лет любви

Капсула Торана.

Тишина в лечебнице звенела, но для них двоих она не существовала. Был только их разговор — тихий, интимный, на грани реальности и грёз.

Нирея всё ещё сидела на холодном полу, прижавшись спиной к стене напротив капсулы Торана. После новости о Талии прошло уже много времени, но она не уходила. Не могла. Чувствовала, как в нём борются боль, надежда и что-то ещё — тёплая волна благодарности, которая омывала её сознание.

«Ния...» — позвал он тихо.

«Я здесь».

«Расскажи мне о ней. Ещё. Всё, что знаешь. Как она выглядит? Что делает? Как говорит?»

И она рассказывала. О белых волосах Талии, которые искрятся, как снег на солнце. О её голубых глазах — холодных, почти прозрачных, в которых нет эмоций. О том, как она двигается — бесшумно, как хищница.

«Агент?» — переспросил Торан.

— Агент, — подтвердила Нирея. — Из того самого ведомства, о котором я тебе рассказывала. Талия — одна из них. Лучшая.

Она помолчала, собираясь с мыслями. Следующие слова

давались ей тяжело.

— Торан... она провела там десять лет. Десять лет рядом с ним.

«Что?»

— Десять лет она прожила в логове мага, — продолжила Нирея тихо, но твёрдо. — Как тайный агент его величества. Она видела, как он пытается людей. Как проводит кровавые ритуалы. Как обращённые разрывают тела. Она передавала сведения в форт, спасала деревни ценой невероятного риска. И при этом каждый день притворялась, что служит ему. Каждую ночь...

Она замолчала, не решаясь продолжать. Но Торан понял.

«Каждую ночь — что?» — его мысленный голос стал жёстким, почти ледяным.

— Торан, она делала то, что должна была. Чтобы выжить. Чтобы мы победили. Ты должен это понять.

Тишина. А потом — глухой, полный боли стон, который Нирея услышала не ушами, а душой. Это был звук разрывающегося сердца.

«Моя маленькая сестра... — прошептал он. — Она была такой живой, такой озорной. Талиана, егоза... А они превратили её в...»

— В воина, — твёрдо сказала Нирея. — В сильного, негибавшего воина, который выжил там, где погибли бы сотни других. Она не сломалась, Торан. Она выполнила задание и вернулась. Она здесь, в этом дворце. Живая. И мы

её вернём. По-настоящему.

«Как?»

— Я уже начала. Я касаюсь её разума, когда мы тренируемся. Там, под слоями боли и блоков, теплится огонёк. Она начинает чувствовать. Улыбаться. Злиться. Это только начало.

Торан молчал, переваривая услышанное. А потом его мысли ушли куда-то вглубь, в те воспоминания, которые он видел глазами Ахилла.

«Таша...» — его мысленный голос дрогнул.

— Что? — не поняла Нирея.

«Таша. Её тотемный барс. Я видел её через Ахилла. После нападения она была ранена, потеряла лапу, но выжила. Вильма — моя бабка, верховная жрица — выходила её. Таша живёт у бабушки в доме. И всё это время... всё это время она ждала».

— Ждала Талию, — поняла Нирея.

«Да. Тотемная связь не разорвалась полностью — она просто... замерла. Теперь я понимаю: Таша чувствует, что хозяйка жива, но не может до неё достучаться. Талия заблокировала свою память, заблокировала дар, заблокировала всё. И Таша осталась одна. Ждёт. Верит».

Нирея представила эту картину — белая барсиха с покалеченной лапой, сидящая у очага в доме старой жрицы и смотрящая вдаль глазами, полными тоски и надежды. У неё сжалось сердце.

— Мы вернём её, Торан. Я обещаю. Мы вернём Талию, и она снова услышит свою Ташу.

Торан молчал, но Нирея чувствовала — он благодарен. Благодарен за эту надежду.

А потом он заговорил снова — уже о другом. О том, что мучило его всё это время.

«Ния... я должен сказать. О традициях племени».

Нирея вздрогнула. Она поняла, о чём он.

— Ты говорил, потеря невинности до свадьбы считается позором. Для девушки и для её рода.

«Да».

— А если она... если её заставили? Если она делала то, что должна была, чтобы выжить?

«Ния, — его голос дрогнул, — я знаю, о чём ты. Я думал об этом. Всё время, пока ты рассказывала».

Пауза. Нирея чувствовала, как тяжело ему даются следующие слова.

«Я вырос в этих традициях. Для меня они — часть крови, часть того, кто я есть. Но Талия — моя сестра. Моя маленькая Талиана, которую я не смог защитить. И если мир, традиции, законы — если всё это осудит её за то, что она делала, спасая себя и других... то к чёрту эти традиции».

— Торан...

«Я приму её любой. Сломленной, разбитой, с чёрной душой и тяжёлым прошлым. Я буду рядом, буду помогать, буду любить. Потому что она — моя кровь. И потому что она

выжила. Ради этого стоило ждать двадцать два года».

Нирея почувствовала, как глаза защипало от слёз.

— Ты удивительный, — прошептала она. — Знаешь это?

«Нет, — в его голосе появилась улыбка. — Я просто люблю вас. Тебя и её. По-разному, но одинаково сильно».

Она улыбнулась сквозь слёзы, чувствуя, как тепло разливается в груди. А потом Торан заговорил снова — о самом важном.

«Я хочу рассказать тебе, Ния, — после долгой паузы произнёс он. — О том, что чувствовал. О родителях... о том, как всё было на самом деле. И о том, что моя сила всё это время была где-то рядом».

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Нирея.

«Маг не просто забрал мою жизненную силу. Он заточил её в кристалл. Я чувствую её иногда — там, далеко, словно часть меня продолжает существовать отдельно от тела».

— Отец рассказывал мне об этом кристалле, — тихо сказала Нирея. — Леди Сария Варуа добровольно заточила в него свою душу, чтобы Адриан мог пользоваться её силой. Значит, внутри не только твоя жизненная сила, но и она?

«Да. И пока кристалл цел, он жив. Сколько бы ран мы ему ни нанесли — он выживает за счёт тех душ, что там заперты».

— Значит, чтобы убить его, нужно разбить кристалл, — прошептала Нирея. — Освободить всех, кто там внутри.

«Я не знаю как. Эта тварь никого не подпускает к нему

близко».

— Мы найдём способ, — твёрдо сказала Нирея. — Обязательно найдём. Вместе.

И Торан продолжил рассказывать. О том, как маг выпил его силу. Как последней мыслью успел толкнуть часть себя в Ахилла — и провалился в бездну. Как потом, через глаза барса, смотрел на пепелище, где ещё недавно был его дом.

«Я не видел, как они погибли, — тихо сказал он. — Я уже терял сознание, когда маг забрал мою силу. Но я чувствовал...»

Он замолчал, собираясь с мыслями.

«Я чувствовал, как уходит мама. Это было как обрывок нити — тёплой, родной, самой важной в моей жизни. А потом она исчезла. Просто оборвалась. И я захлебнулся болью, хотя тело уже не слушалось».

Нирея беззвучно плакала, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

«А отец... я не чувствовал его ухода. Только пустоту. Огромную, ледяную пустоту, которая разъедала душу. А потом, когда я пришёл в себя в Ахилле — через несколько дней, — на месте лагеря было только пепелище. И тишина. Такая страшная тишина, что я хотел умереть вместе с ними».

— Но ты выжил, — прошептала Нирея. — Ты выжил ради чего-то.

«Я выжил, потому что не мог умереть, — горько ответил он. — Потому что часть меня застряла между своим телом

и Ахиллом. Потому что не мог оставить его — он тоже был ранен, истекал кровью в горах. А потом... потом появилась ты».

Нирея почувствовала, как тёплая волна накрыла её сознание — это Торан касался её самым сокровенным.

«Я помню тот день, когда понял, как ты мне дорога», — вдруг тихо сказал он.

Нирея замерла.

«Мне было девятнадцать. Тебе — одиннадцать. Ты пришла злая, расстроенная — очередной урок этикета, очередные пресные улыбки фрейлин. Ты так смешно ворчала на весь этот дурацкий дворцовый этикет, что я не выдержал и рассмеялся. Впервые за много лет — по-настоящему рассмеялся. Мысленно, но ты услышала».

«Ты смеёшься надо мной?» — возмутилась ты тогда.

«Нет, — ответил я. — Я просто представил тебя в этом платье с кринолином. Наверное, ты похожа на разгневанного снежного барса, который застрял в кустах».

И ты рассмеялась. Впервые за долгое время — искренне, по-настоящему. В тот вечер я понял: ты не просто голос в темноте. Ты стала для меня самым близким человеком. Тем, без кого я уже не мыслю своего существования. Но только много лет спустя, когда ты выросла, я осознал, что это чувство — любовь.

Нирея улыбнулась сквозь слёзы:

— Я тоже помню тот день. Я тогда впервые подумала:

«Как жаль, что я не могу его обнять».

«А я впервые пожалел, что у меня нет тела, чтобы обнять тебя в ответ», — эхом отозвался он.

Перед глазами Нирей всплыло другое воспоминание. Ей было десять. Она прибежала к его капсуле, запыхавшаяся, с разбитой коленкой — упала в парке, когда убегала от нянек. Тогда она впервые не просто говорила с ним — она позволила себе пожаловаться.

«Мне больно», — подумала она, прижимая ладонь к стеклу.

И в ответ пришло нечто, от чего у неё перехватило дыхание. Он не сказал ни слова, но его мысль — тёплая, осторожная — коснулась её разбитой коленки, и боль отступила. Это длилось лишь мгновение, но Нирея запомнила это чувство навсегда. Он пожалел её. Он позаботился о ней, даже будучи запертым в этой чёртовой капсуле.

— Я помню, как ты впервые коснулся меня, — прошептала она. — Не мыслями, а по-настоящему. Мне было десять, я разбила коленку. И ты... ты как-то смог унять боль.

«Я отдал тебе часть своей силы, — тихо ответил он. — Крошечную часть того, что у меня оставалось. Я не мог позволить тебе страдать. Даже тогда ты была для меня дороже всего на свете».

А потом было ещё одно воспоминание — самое важное. Ей было шестнадцать. Она пришла к нему поздним вечером, когда во дворце уже все спали. Долго сидела молча, а потом

вдруг наклонилась и прижалась губами к холодному стеклу — туда, где было его лицо.

«Что ты делаешь?» — растерянно спросил он.

«Целую тебя», — просто ответила она.

Тишина длилась целую вечность. А потом она почувствовала — впервые так явно, так остро — его ответ. Не мысль, не слово, а само прикосновение его души к её губам. Нежное, робкое, но такое настоящее, что у неё перехватило дыхание.

«Я люблю тебя, Ния», — прошептал он тогда.

«И я тебя, Торан. Всегда».

— Я помню наш первый поцелуй, — прошептала она сейчас, закрывая глаза. — Мне было шестнадцать. Я так боялась, что ты прогонишь меня. А ты...

«А я чуть не сошёл с ума, — закончил он за неё. — Твой поцелуй выжег всю тьму вокруг меня. Впервые за долгие годы я почувствовал, что жив. По-настоящему жив. И в тот момент я окончательно понял: ты — моя женщина. Та, с кем я хочу прожить всю жизнь».

— Я люблю тебя, Торан. Как мужчину. Как единственного. Как того, ради кого я готова на всё.

«Я знаю, Ния. Я всегда это знал. Я видел, как ты росла. Как из любопытной девочки превращалась в прекрасную девушку, а потом — в сильную, мудрую женщину. Я видел каждую твою улыбку, каждую слезу, каждый вздох. И я любил тебя в каждый из этих моментов — сначала как самое дорогое существо в моей жизни, а потом... потом как женщину,

без которой я не могу дышать».

Шестнадцать лет. Целая жизнь. Нирея вдруг отчётливо увидела всю эту череду дней — как менялся его голос, как выросли его мысли, как из отчаянного, сломленного юноши он превращался в мужчину, готового бороться. И всё это время она была рядом. Сначала — ребёнок, любопытный до чужих кошмаров. Потом — девочка-подросток, впервые осознавшая, что без его мысленного присутствия ей становится пусто. И наконец — женщина, полюбившая так сильно, что готова была бросить вызов всему миру.

«Шестнадцать лет любви, — подумала она. — И ни одного дня, прожитого зря».

Она чувствовала, как его ментальные руки гладят её по волосам, касаются щёк, губ. Это было интимнее любой физической близости — их души соприкасались, переплетались, становились единым целым.

— Когда ты проснёшься, — прошептала она, задышавшись от нахлынувших чувств, — я покажу тебе свою любовь не только в мыслях. Я буду твоей. По-настоящему. Всей собой.

«Я буду ждать, Ния. Я всегда умел ждать тебя».

Она рассмеялась сквозь слёзы:

— Ты умеешь ждать. А я умею возвращаться. Мы идеальная пара.

В ответ он улыбнулся — она почувствовала эту улыбку всем своим существом. Тёплую, светлую, полную надежды.

За стеклом, в капсуле, воин с белыми волосами спал. Но

на его лице застыло выражение такого покоя, какого не было двадцать два года.

Нирея медленно поднялась с холодного пола. Ноги затекли, но она не чувствовала боли. Мысли всё ещё были там — рядом с ним.

— Мне пора, любовь моя, — прошептала она. — Скоро рассвет.

«Я знаю. Иди. Но знай: я буду ждать. Всегда».

Она коснулась губами стекла напротив того места, где лежала его рука, и бесшумно выскользнула из лечебницы.

В последние недели с Тораном происходило нечто удивительное. Ксандра, рыжеволосая целительница, которую Нирея встретила у капсулы матери, нашла способ не просто поддерживать его тело — она начала восстанавливать его дар.

«Ваш Торан — уникальный случай, — говорила она Нирее после очередного сеанса. — Его ментальная структура не разрушена, только ослаблена. Я могу её подпитать. Не знаю, проснётся ли он, но... он стал сильнее. Я чувствую это».

И действительно, вскоре Нирея начала ощущать его присутствие даже тогда, когда находилась далеко от лечебницы. Сначала — лёгкое дуновение, почти неуловимое. Потом — отчётливое тепло в груди, когда он пытался до неё достучаться.

А потом, в одну из ночей, она вдруг отчётливо услышала его голос у себя в голове, хотя была в своих покоях за полдворца от него.

«Ния... ты слышишь меня?»

Она тогда чуть не расплакалась от счастья. С тех пор они могли говорить всегда. В любое время. Где угодно.

Несколько недель спустя.

Нирея шла по пустым ночным коридорам, возвращаясь с очередного сеанса с Лаурой. За эти дни многое изменилось. Талия уже освоилась во дворце, Ксандра продолжала свои эксперименты с магами в стазисе, а Торан... Торан по-прежнему ждал. Но теперь он был с ней всегда — стоило только позвать.

Она завернула за угол и вдруг замерла.

В полумраке алькова, скрытого тяжёлой портьерой, мелькнули две тени. Нирея затаила дыхание, прижимаясь к стене. Её ментальный дар уловил знакомые ауры раньше, чем глаза успели разглядеть фигуры.

Тайгер.

И Талия.

Та самая Талия, которую она проверяла в день её прибытия. Та, в чьём разуме была лишь ледяная пустота. А сейчас...

Брат прижимал Талию к стене с такой жадностью, что у Ниреи перехватило дыхание. Его руки сжимали её талию,

губы блуждали по шее, а в каждом движении сквозило что-то первобытное, почти отчаянное. Талия не сопротивлялась. Напротив — её пальцы уже запутались в его тёмных волосах, а тело выгибалось навстречу.

Нирея бесшумно скользнула дальше, но на губах её заиграла улыбка.

«Ну надо же, — подумала она, уже сворачивая в свой коридор. — Наш циничный Тайгер, который клялся, что никогда не попадётся в сети любви... Кажется, его ледяное сердце дало трещину. И кто бы мог подумать — наша холодная Талия».

Она вошла в свои покои, прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Перед внутренним взором всё ещё стояла та сцена — двое, нашедшие друг друга в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.